

Алекс Краас

МИСР

из больницы

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Aleks Kraas

Милфа из больницы

«Автор»

2026

Kraas A.

Милфа из больницы / А. Kraas — «Автор», 2026

Ирина врач, ее возраст ее не беспокоит, а наоборот толкает в приключения с молодыми мальчиками.....

© Kraas A., 2026

© Автор, 2026

Aleks Kraas

Милфа из больницы

Глава 1. Ночная смена

Сердце в очередной раз оказалось сильнее скальпеля. Ирина Валерьевна стянула с головы одноразовую шапочку, смяв ее в кулаке, и устало прислонилась лбом к прохладной стене ординаторской. Сложная ангиопластика длилась почти четыре часа. Пациент — тучный мужчина далеко за шестьдесят — был стабилизирован и переведён в реанимацию. Ритм восстановлен. Жизнь, висевшая на волоске, снова забилась ровными, сильными ударами. Это была победа. Но триумф врача всегда отдавал горьким привкусом опустошения, выжатой до дна нервной системы и звенящей пустоты внутри.

Ей было пятьдесят два, но зеркало в тусклом свете больничной лампы отражало скорее не возраст, а породу. Ирина давно усвоила: женщина увядает ровно в тот момент, когда перестаёт хотеть. Она же хотела постоянно. Остро, почти до зубного скрежета. Не карьерных высот — их она уже достигла, не новых туфель и не отпуска на Мальдивах. Она хотела жизни. Пульсирующей, горячей, молодой крови, от которой можно подзарядиться, словно от мощного аккумулятора.

Сорок минут спустя, когда часы показывали далеко за полночь, из подземного паркинга клиники выехал хищный черный «Порше». За рулём сидела другая Ирина. Не та, что в безупречном белом халате и с каменным лицом диктовала назначения ассистентам. На ней было темно-синее платье-футляр, обнажавшее всё ещё стройные колени, и шпильки, на которых она держалась с ленивой грацией пантеры. Волосы, весь день стянутые в тугий пучок, теперь мягкими волнами рассыпались по плечам, пахнущие дорогим уходом и едва уловимым табаком — единственной слабостью, которую она себе позволяла.

Клуб «Атлас» встретил ее утробным биением басов. Низкие частоты проходили сквозь тело, заставляя вибрировать диафрагму. Здесь пахло сладким паром от кальянов, разгорячённой плотью и предвкушением. Ирина скользнула к своему постоянному столику в лаунж-зоне, отгороженной от основного танцпола тяжелыми портьерами. Официант, смазливый мальчик с выбритыми висками, метнулся к ней мгновенно, зная, что эта гостья не скупится на чаевые, но и пьёт исключительно по настроению.

— Коньяк, выдержанный, — бросила она, закидывая ногу на ногу. — И минеральной воды без газа. Много.

Ирина обвела зал взглядом хирурга, привыкшего мгновенно оценивать состояние пациента. Стайки девиц с блестящими от глиттера ключицами, потные парни в расслабленных рубашках, пытающиеся казаться старше. Её губы тронула усмешка. Она не пыталась казаться моложе. Она просто была лучше. Подтянутое тело, в которое были вложены часы пилатеса и возможностей современной косметологии, взгляд, искрящийся превосходством опыта, и аура абсолютной самодостаточности делали её не просто привлекательной — она была инопланетным объектом в этом царстве разбавленного виски и дешёвых духов.

Ее взгляд остановился на барной стойке. Там, за хромированной поверхностью, священнодействовал новый бармен. Ирина не видела его раньше. Совсем мальчик, лет девятнадцати, не больше. Чёрная униформа обтягивала широкие плечи пловца, русые волосы были небрежно сколоты в короткий хвост. Черты лица — тонкие, почти девичьи, но с тяжелой, волевой челюстью. Он работал споро, но без суеты, смешивая коктейли с той сосредоточенной серьезностью, с какой интерны накладывают свои первые швы.

Ирина почувствовала, как внутри, в районе солнечного сплетения, медленно разворачивается тугая пружина чистого, ничем не замутнённого голода. Мальчик был хорош. Телом, юностью, той трогательной угловатостью, которая с годами превращается в лоск или в рыхлость. Сейчас он был на пике своей мужской весны, ещё не распустившейся, но уже наливающейся силой.

Она подозвала официанта, велела принести бутылку «Клико» и указала пальцем на юного бармена.

— Видишь этого мальчика за стойкой? Передай ему бокал. Скажи: «От той, кто понимает, что такое ночная смена». И проследи, чтобы попробовал при мне.

Официант понимающе кивнул. Ирина закурила, наблюдая за разворачивающимся действием. Даня — она успела прочесть имя на бейдже — взял бокал с шампанским, удивлённо взглянул в её сторону. Их взгляды встретились, и она, не отводя глаз, медленно выдохнула струйку дыма, чуть прищурившись. Ни улыбки, ни кокетливого взмаха ресниц. Только вызов. Даня, преодолев секундное замешательство, отсалютовал ей бокалом и, глядя прямо на неё, выпил его до дна. Кадык на его длинной, беззащитной шее дернулся, когда он глотал. Ирина затушила сигарету, понимая, что охота началась.

Прошло минут двадцать. Даня пару раз ловил на себе её прямой, гипнотический взгляд и сбивался с ритма, роняя лед на пол. В очередной раз, когда он наклонился за стаканом, Ирина поднялась и плавной, скользящей походкой направилась к бару. Она облокотилась на стойку так, чтобы вырез платья на мгновение стал глубже, и заказала мартини. Мальчик старательно смешивал напиток, но его выдавали кончики ушей, заливавшиеся предательским румянцем.

— Тяжелая ночь? — спросил он, пытаясь придать голосу уверенности, но вышло сипло и почти благоговейно.

— Очень, — Ирина взяла бокал, коснувшись его пальцев своими. Его кожа была шершавой от цитрусовых и льда, под ней чувствовался жар. — Ты даже не представляешь, как иногда хочется вымыть руки не от крови, а от... обычной человеческой усталости.

— Вы врач? — в его глазах мелькнуло что-то похожее на детский восторг.

— Кардиохирург, — она сделала глоток, слизывая каплю с нижней губы. — Сегодня спасла одно старое сердце. И знаешь, что поняла? Старым сердцам тоже нужно биться чаще. Иначе они гаснут.

Повисла пауза, наполненная звенящим напряжением. Музыка сменилась на более глубокий, тягучий хаус. Ирина видела, как под униформой напряглись мышцы его живота. Он понял всё правильно.

— У тебя есть перерыв, Даня? — спросила она, понижая голос до интимного полупшепота, который все равно невозможно было расслышать в гуле клуба, но который заставлял наклоняться ближе.

— Только на десять минут, — выдохнул он, нервно сглотнув.

— Мне хватит и пяти, — она резко отставила бокал и кивнула в сторону коридора, ведущего к VIP-зоне, где был туалет с кодовым замком. Код она знала. — Идём. Здесь слишком шумно для того, что я хочу тебе сказать.

Она не оглядывалась, зная, что он идет следом. Каблуки цокали по мраморной плитке, отсчитывая ритм, совпадающий с ударами его сердца. У двери в туалет она быстро набрала четыре цифры, загорелся зелёный, и она втянула его внутрь, заперев дверь изнутри.

VIP-туалет был не просто уборной: просторная комната с приглушённым светом, огромным зеркалом во всю стену и столешницей из чёрного гранита. Звук басов здесь становился дистанцированным, словно сердцебиение огромного зверя за стеной.

Как только щёлкнул замок, вся её нарочитая небрежность исчезла. Она повернулась к нему, оказавшись совсем близко. Даня стоял, прижавшись спиной к двери, часто дыша. В этом замкнутом пространстве его юность казалась почти осязаемой, пахла мылом и лёгким потом.

— Ты очень красивый, Даня, — произнесла Ирина, кладя ладонь ему на грудь. Сердце под её пальцами колотилось бешено, как у пойманной птицы. — Я хочу, чтобы ты поцеловал меня. Но не спеша. Учись у старших.

Она сама подалась вперед и накрыла его губы своими. Это не был нежный, вопросительный поцелуй. Она целовала жадно, глубоко, сразу проникая языком, показывая, что ей нужно, и забирая это. Даня застонал ей в рот, его большие ладони легли на её талию, сжимая дорогую ткань платья. Она чувствовала его нарастающее возбуждение, упирившись ей в бедро. Мальчик был горяч, как печка.

— Стоп, — скомандовала она, отрываясь и разворачивая его лицом к зеркалу. Теперь они оба отражались в нём: она — с растрепавшейся причёской и хищным блеском в глазах, он — с припухшими губами и потерянными, одурманенным лицом. — Смотри на меня. В зеркало. Я хочу видеть твои глаза.

Ее руки скользнули по его плечам, спустились на твердую грудь, расстегивая пуговицы форменной рубашки. Ткань поддалась, обнажая гладкую, без единого волоска, бронзовую от недавнего загара кожу. Ирина провела ногтями по его соскам, наблюдая, как вздрагивают его веки в отражении.

— Ты когда-нибудь был с женщиной, которая знает, чего хочет? — прошептала она ему на ухо, попутно расстегивая пряжку его ремня. Даня мотнул головой, не в силах вымолвить ни слова. — Тогда считай это мастер-классом.

Она опустила перед ним на корточки. Прямо на холодный гранитный пол, не заботясь о платье и чулках. В зеркало ему было видно, как её умелые пальцы справились с молнией на его брюках, освобождая напряжённую плоть. Даня зашипел, ударившись затылком о дверь, когда Ирина без лишних прелюдий взяла его в рот. Глубоко, ритмично, с тем особым, вампирическим мастерством, которое дается только годами практики и абсолютной женской властью.

— Смотри... в зеркало... — повторила она, на секунду оторвавшись. — Не смей закрывать глаза.

Он подчинился, встречаясь с её надменным взглядом в отражении. Эта картина — его спущенные брюки, её голова у его живота, мерно двигающаяся в такт басам из-за стены — добивала его окончательно. Юноша захлебывался воздухом, стоны становились громче, готовые перейти в крик.

Ирина поднялась быстрее, чем он успел осознать. Резко развернула его, теперь уже спиной к зеркалу, а сама оперлась руками о гранитную столешницу, прогибаясь в спине. Платье задралось на бедра, обнажая кружевной край чулок. Даня, всё поняв без слов, прижался к ней сзади, дрожа от нетерпения. Ирина, глядя на их отражение, сжала его запястье и направила его руку себе между ног, давая прочувствовать степень собственной готовности. Она тоже была готова. Давно. С той самой секунды, как увидела этот юный, жадный рот.

— Давай, — скомандовала она, и это было слово хирурга, отдающего приказ ассистенту. — Быстро. Жёстко. Так, как ты никогда не делал со своими девочками. Я не разобьюсь.

Он вошёл в неё одним сильным, отчаянным толчком. Ирина вскрикнула, но это был крик чистейшего удовольствия, смешанный с болью от того, что юность ворвалась слишком резко, без подготовки, заполнив собой всё. Ритм, заданный ею, был первобытным. Она двигалась назад, насаживаясь на него, заставляя мальчика лишь удерживать её за бедра и стараться не упасть. Его пальцы до боли впивались в её кожу, дыхание обжигало затылок.

— Вот так... — выдыхала она, глядя в глаза его отражению. — Сильнее... Ты же хочешь меня... Покажи, как сильно...

Музыка за стеной, казалось, синхронизировалась с их движениями, достигая крещендо. Даня, потерявшись в ощущениях, уткнулся лицом в изгиб её шеи, что-то жалобно и восторженно бормоча. Ирина кончила первой — резко, взрывно, вцепившись ногтями в гранит так,

что сломался кончик на безымянном пальце. Её оргазм спровоцировал его разрядку. Юноша замер, судорожно вжимаясь в неё, изливаясь с протяжным, животным стоном облегчения.

Несколько секунд они стояли, пытаясь восстановить дыхание. В зеркале отражалась пара, сплетённая в объятиях: она — всё еще собранная и царственная, лишь слегка раздумавшаяся, и он — выжатый досуха, полностью опустошённый и потерянный.

Ирина первая нарушила тишину. Она осторожно высвободилась из его объятий, поправила платье, деловито, словно халат в операционной. Открыла кран, вымыла руки с жидким мылом, пахнущим миндалём, и поправила волосы перед зеркалом. Даня всё так же стоял, прислонившись к двери, с бессильно болтающимися брюками, и смотрел на неё широко распахнутыми, пьяными от пережитого глазами.

Она вынула из клатча влажную салфетку, бросила ему.

— Приведи себя в порядок. У тебя ещё смена.

Достав губную помаду, она аккуратно подвела контур губ. Делая это, она поймала его растерянный взгляд в отражении и снисходительно улыбнулась.

— Спасибо за компанию, Данечка. Ты отлично снимаешь усталость после тяжелой ночной смены.

Он хотел что-то спросить — возможно, номер телефона, возможно, её имя, — но она уже нажала на ручку замка, и дверь открылась. Ирина шагнула в темноту клубного коридора, оставляя за спиной запах своего парфюма и ошарашенного мальчика, так и не понявшего, что же с ним произошло.

В баре она допила свой martini, оставила на стойке купюру, втрое превышающую стоимость ужина, и вышла на улицу, в прохладную предутреннюю свежесть. Сердце билось ровно и молодо. Старое сердце, которое она лечила днём, продолжало борьбу в реанимации, а её собственное — пело, насыщенное украденной юностью. Она села в машину и усмехнулась своему отражению в зеркале заднего вида, прежде чем завести мотор. Ночная смена определенно удалась.

Глава 2. Персональный тренер

После той ночи в «Атласе» Ирина не вспоминала о Дане. Она вообще редко вспоминала лица. Мальчики, юноши, молодые мужчины — все они сливались в единый поток мышечной массы, жадных губ и восторженных стонов, который питал её собственную жизненную силу, но не оставлял следа в памяти. Ей нужен был не конкретный человек, а сама субстанция юности — горячая, пульсирующая, готовая отдаться в умелые руки.

На утренней пятиминутке в клинике коллега-эндокринолог Леночка, эффектная блондинка слегка за сорок, с придыханием рассказывала о новом фитнес-клубе премиум-класса «Форма», открывшемся в двух кварталах от них.

— Ирочка, ты не представляешь, какой там контингент тренеров! — щебетала Леночка, поправляя бриллиантовую подвеску. — Сплошные чемпионы Европы, мастера спорта. И все как на подбор — высокие, накачанные, пальцы длинные... Мой массажист просто волшебник. А цены такие, что всякие офисные клерки туда не ходят, только наши.

Ирина скептически хмыкнула, но идея засела в голове. Её тело требовало регулярной огранки. Пилатес на дому и бассейн в загородном клубе — это прекрасно, но ей хотелось чего-то более... хищного. Места, где можно наблюдать, выбирать и, возможно, пробовать.

В тот же вечер она подъехала к «Форме». Клуб занимал три этажа в сверкающем бизнес-центре: панорамные окна, дизайнерский интерьер в серо-стальных тонах с матовым золотом, запах дорогого парфюма, смешанный с ароматом разогретых мышц. На ресепшене её встретила девушка с голливудской улыбкой, мгновенно оценившая сумку «Биркин» в руках гостьи.

— Ирина Валерьевна, для вас у нас есть специальное предложение — безлимитный годовой абонемент с персональным фитнес-консультантом. Первое занятие — в подарок.

— Консультанта я выберу сама, — отрезала Ирина, расписываясь в договоре той же ручкой «Монблан», которой утром подписывала эпикризы.

Её провели в зону свободных весов. Ирина шла медленно, с удовольствием ощущая, как несколько мужских голов поворачиваются ей вслед. Для спортзала она выбрала облегающие легинсы цвета мокрого асфальта и чёрный топ на тонких бретелях, открывающий подтянутые руки и ровный, без единой складки, живот. Её тело, напитанное дорогами процедурами и здоровой генетикой, выглядело на сорок, не больше. А глаза выдавали истинный возраст — в них светился тот самый опасный опыт, который так манит неискушённых.

В углу зала, у тренажёра Смита, занимался тренер. Высокий брюнет с короткой стрижкой, мощной шеей и широкими плечами, обтянутыми чёрной рашгардкой. Ему было на вид около двадцати пяти. Черты лица — правильные, даже слишком: квадратный подбородок, прямой нос, тёмные брови вразлёт. Классический русский красавец, с которого можно лепить скульптуры. На груди бейдж: «Максим. Персональный тренер. Сертифицированный реабилитолог».

Ирина остановилась, разглядывая его с откровенным интересом оценщика. Максим, почувствовав взгляд, обернулся. На мгновение в его глазах мелькнуло профессиональное равнодушие, которое тут же сменилось чем-то более острым, когда он скользнул взглядом по её фигуре.

— Добрый вечер. Вы новенькая? — он подошёл, вытирая руки полотенцем. Голос — низкий, с лёгкой хрипотцой.

— Только что купила абонемент. Мне нужен тот, кто не будет со мной сюсюкать и предлагать программы для «бабушек», — Ирина протянула руку, и Максим пожал её, чуть задержав в своей огромной ладони. Рукопожатие было твёрдым, но не лишённым некой интимной задержки. — Я Ирина. В прошлом — спортивная гимнастика, сейчас — поддерживающий режим. Но я люблю, когда меня заставляют попотеть.

— Это я могу, — Максим улыбнулся одними уголками губ. Улыбка вышла самоуверенной, почти нахальной. — Тогда начнём прямо сейчас? Заодно посмотрю вашу форму.

Он провёл её в дальнюю часть зала, где лежали маты для растяжки. Ирина сняла кроссовки, оставшись босиком, и встала в центр мата. Максим начал с простого: наклоны, выпады, оценка подвижности суставов. Его профессиональный тон постепенно становился менее формальным. Руки ложились на её талию, поправляя положение таза; пальцы скользили по позвоночнику, проверяя осанку. Каждое прикосновение длилось на секунду дольше необходимого.

Ирина чувствовала этот переход. Она знала эту игру и умела в неё играть виртуозно. Когда Максим попросил её лечь на спину и подтянуть колени к груди для растяжки поясницы, она выполнила движение плавно, чуть разведя бёдра и глядя ему прямо в глаза. Его зрачки расширились.

— Теперь я надавлю на колени, чтобы углубить растяжку, — его голос сел на полтона ниже. Он наклонился над ней, упираясь ладонями в её колени. Его лицо оказалось совсем близко. Ирина видела тонкую сеточку капилляров на его скулах и чувствовала запах его разгорячённого тела — чистый, с нотками цитрусового геля для душа.

Максим надавил, заставляя её колени приблизиться к груди. Движение было правильным с точки зрения биомеханики, но его большие пальцы при этом медленно, почти гипнотически поглаживали внутреннюю поверхность её бёдер, там, где заканчивалась ткань легинсов.

— А ты смелый, — тихо произнесла Ирина, не меняя позы. Её голос прозвучал спокойно, даже лениво, но внутри уже разгорался знакомый огонь.

— Я просто делаю свою работу, — ответил он, но руки не убрал. Более того, его правая ладонь сдвинулась выше, почти касаясь среднего шва легинсов. Ирина шумно выдохнула — не от неожиданности, а от удовольствия, позволяя ему думать, что он контролирует ситуацию.

— Твоя работа, кажется, заканчивается в десять, — она кивнула на часы, висевшие на стене. Стрелки приближались к закрытию. — А что ты делаешь после?

— Провожу индивидуальные занятия для особых клиентов, — Максим, наконец, убрал руки и выпрямился, протягивая ей ладонь, чтобы помочь встать. Его возбуждение было очевидным даже сквозь свободные спортивные шорты. Он и не пытался это скрыть. — Внизу есть душевая для персонала. Там отличный напор воды и полная звукоизоляция.

— Тогда води. Посмотрим, насколько ты хорош в индивидуальном подходе.

Они дождались, пока последние посетители покинут зал, и администратор погасит основное освещение. Максим провёл Ирину через служебную дверь, вниз по лестнице, в цокольный этаж, где располагались технические помещения и душевая для тренеров. Это была просторная комната, отделанная матовым керамогранитом, с несколькими душевыми кабинами, отделёнными стеклянными перегородками, и большой скамьёй из тикового дерева. В углу тихо гудела система вентиляции. Максим запер дверь изнутри.

Некоторое время они просто стояли друг напротив друга. В полумраке аварийного освещения его фигура казалась ещё более массивной. Он возвышался над ней почти на голову. Ирина первой нарушила тишину — шагнула к нему и положила ладони на его грудь, ощущая сквозь влажную рашгардку рельеф грудных мышц.

— Сними это, — приказала она, потянув край его майки вверх. Максим подчинился, стянув рашгардку через голову. Его торс был именно таким, каким она его представляла: широким, с чётко очерченными кубиками пресса, косыми мышцами, уходящими вниз, и татуировкой в виде крыла, расправленного от лопатки до ключицы. — Неплохо. Намного лучше, чем на картинках в инстаграме.

Он хотел что-то ответить, но Ирина приложила палец к его губам. Затем развернулась к нему спиной.

— Расстегни.

Максим справился с застёжкой топа, и тот упал на пол. Следом полетели легинсы. Ирина осталась в одном кружевном белье — чёрном, под цвет настроения. Она медленно, давая ему насладиться зрелищем, стянула бретельки бюстгалтера и, повернувшись через плечо, бросила короткий взгляд, означавший: «Иди за мной».

Она вошла в ближайшую душевую кабину и включила воду. Горячие струи ударили сверху, заволакивая всё вокруг паром. Ирина встала лицом к стене, упираясь ладонями в прохладный кафель, и чуть прогнулась в спине. Это было приглашение, и Максим принял его без промедления.

Он вошёл следом, полностью обнажённый, и прижался к ней сзади. Его тело было горячим, твёрдым, как разогретый мрамор. Ирина закрыла глаза, позволяя ощущениям захватить себя. Она чувствовала, как его руки скользят по её мокрой коже — по рёбрам, животу, поднимаются к груди. Он мyal её с той грубоватой жадностью, которую она так ценила в молодых. Никакой нежности, только голод.

— Ты весь вечер этого хотел, да? — выдохнула она, не открывая глаз. — Поправлял мои колени, а думал совсем о другом.

— Да, — прохрипел он ей в затылок, прикусывая мочку уха. — Ты самая горячая женщина, которая сюда заходила. Я бы не отпустил тебя просто так.

— Я бы и не ушла, — она резко развернулась в его руках, теперь оказавшись с ним лицом к лицу. Вода стекала по их сплетённым телам. Ирина запрокинула голову и впиалась в его губы требовательным поцелуем, одновременно обхватив ладонью его восставшую плоть. Максим застонал, прижимая её к стене с такой силой, что лопатки вжались в кафель.

— Тише, — шепнула она, оторвавшись от его губ и начиная двигать рукой в медленном, дразнящем ритме. — Ты делаешь всё, что я скажу. Это понятно?

— Да... — он попытался перехватить инициативу, развернуть её, но Ирина сильнее сжала пальцы, и он послушно замер.

— Вот и умница. Тренер должен уметь слушать старших.

Она опустила перед ним на корточки. Колени коснулись шершавого пола душевой, но Ирина этого даже не заметила. Вода лилась сверху, разбиваясь о её плечи, пока она брала его в рот — медленно, с оттяжкой, изучая языком каждую венку, каждую деталь его крупной, налитой кровью плоти. Максим упёрся руками в стену, боясь пошевелиться, его дыхание перешло в рваные, почти болезненные всхлипы.

— Ирина... я сейчас... — предупредил он сдавленно.

Она тут же отстранилась, встала и снова повернулась к нему спиной, прижимаясь ягодичами к его паху. Взяла его руку и положила себе на бедро.

— Теперь ты. Медленно. Я хочу почувствовать каждый сантиметр.

Он вошёл в неё, повинаясь приказу. Медленное, тягучее скольжение, от которого у обоих перехватило дыхание. Ирина закусил губу, ощущая, как он заполняет её до предела, как его пальцы впиваются в её бёдра, пытаясь сдержать темп. Но она не хотела медленно. Не сейчас.

— Быстрее. Жёстче, я сказала! — скомандовала она, и Максим, сорвавшись с поводка, начал вбиваться в неё с той безжалостной силой, на которую способен только двадцатичетырёхлетний атлет на пике формы. Кафельная стена вибрировала под их напором. Шум воды заглушал стоны, но Ирина слышала его сбивчивый шёпот — бессвязные, восторженные ругательства вперемешку с её именем.

Она кончила, выгнувшись дугой и сжавшись вокруг него с такой силой, что Максим, не выдержав, излился следом с низким, утробным рыком. Несколько долгих секунд они стояли, пытаясь восстановить дыхание, пока тёплая вода смывала с них следы страсти.

Ирина мягко высвободилась из его объятий и, не оглядываясь, вышла из-под душа. Взяла с полки пушистое белое полотенце, промокнула волосы. Максим всё ещё стоял, опираясь рукой о стену, и смотрел на неё затуманенным взглядом, в котором читалось что-то похожее на обожание пополам с растерянностью.

— Ты... я могу ещё тебя увидеть? — спросил он, когда она уже заворачивалась в полотенце.

Ирина обернулась, окинув его фигуру оценивающим взглядом. В этом взгляде не было ни грамма нежности. Только удовлетворение сытой хищницы.

— Конечно, — она улыбнулась уголками губ. — У меня годовой абонемент. Веди тренировки, тренер. Только старайся не отвлекаться на мои колени. Это плохо сказывается на твоей профессиональной репутации.

Она оставила его в душевой, медленно оделась и вышла из клуба через запасной выход. Уличный воздух обжёг разгорячённые щёки прохладой. Садясь в машину, Ирина поймала себя на мысли, что чувствует приятную истому в мышцах и звенящую пустоту внутри. Всё было правильно: она взяла своё, мальчик получил незабываемый урок, и никто никому ничего не должен. Именно так она любила.

По дороге домой она набрала Леночку.

— Лен, спасибо за наводку. Клуб действительно отличный. Особенно персонал. Очень... квалифицированный.

Она сбросила вызов, не дожидаясь ответа, и прибавила громкость магнитолы. Из колонок зазвучал низкий, тягучий бас. Сердце билось ровно. Ночная охота продолжалась.

Глава 3. Вызов на дом

Спустя три дня после случая в душевой «Формы» Ирина принимала поздравления от коллег с успешной операцией на аортальном клапане, которую она блестяще провела тем утром, когда её телефон завибрировал от входящего с незнакомого номера. Она взглянула на

экран, сбросила и вернулась к бокалу просекко в ординаторской, но абонент оказался настойчив: гудок, снова гудок. На третий раз она вышла в коридор и ответила.

— Аллю, — голос в трубке был молодым, с лёгкой хрипотцой и плохо скрываемым волнением. — Простите за беспокойство, это Ирина Валерьевна? Мне дали ваш номер... сказали, что вы лучший кардиолог в городе и принимаете частным образом.

Ирина мысленно перебрала в голове круг знакомых, способных так неосторожно раздать её личный номер. Леночка? Нет, та побоялась бы. Скорее, кто-то из бывших пациентов или их сыновей. Она улыбнулась, уже догадываясь, что «проблемы с сердцем» могут быть надуманными.

— Допустим. Что вас беспокоит? — спросила она ровным врачебным тоном, в котором, впрочем, проскальзывала толика любопытства.

— Понимаете... у меня в последнее время сильное сердцебиение, даже в покое. Иногда кажется, что оно сейчас выпрыгнет. И слабость. Мне всего двадцать один, но я боюсь, вдруг что-то серьёзное. Могу я вас пригласить на дом? Я готов оплатить консультацию по вашему обычному тарифу.

«Двадцать один, — мысленно повторила Ирина. — И даже не удосужился придумать симптомы поубедительнее». Тахикардия в покое у молодого мужчины, не сопровождающаяся болями, обмороками или объективными шумами, была классической маскировкой для банального желания познакомиться. Но голос звучал приятно: мягкий баритон, правильная речь, никакого уличного жаргона. Она решила подыграть. Почему бы и нет? Вызов на дом — это всегда особый жанр.

— Записываю адрес, — сказала она деловито. — Завтра в семь вечера вас устроит?

— Да! Конечно! — в голосе прозвучало почти детское облегчение. — Я всё подготовлю. Спасибо огромное!

— Не благодарите заранее, молодой человек. Возможно, после осмотра вам понадобится серьёзное лечение.

Ирина нажала отбой и усмехнулась. «Лечение» ему точно понадобится. Только совсем не то, которое выписывают по страховке.

На следующий вечер, ровно в семь, она подъехала к элитному жилому комплексу в центре города. Адрес принадлежал высотке с панорамными окнами, консьержем в ливрее и ценой квадратного метра, сопоставимой с её годовым доходом. Мальчик явно был из обеспеченной семьи. Что ж, это даже к лучшему: значит, с него не убудет.

Ирина намеренно оделась строже, чем обычно на неформальные встречи: тёмно-синий брючный костюм, белая блузка, застёгнутая на все пуговицы, волосы собраны в низкий пучок, на носу — очки в тонкой металлической оправе, которые она почти не носила, но которые придавали ей академическую неприступность. В руках — кожаный медицинский кейс с тонометром, стетоскопом и прочими инструментами. Идеальный образ доктора, от которого никто не ждёт подвоха. Именно этот контраст между ледяным профессионализмом и тем, что должно было произойти дальше, и будоражил её воображение.

Дверь открыл высокий юноша с русыми, слегка вьющимися волосами, падающими на лоб. Черты лица — тонкие, аристократические: длинный нос с горбинкой, серые глаза, окружённые пушистыми ресницами, чётко очерченные скулы. Одет он был в домашние брюки и светлый джемпер, под которым угадывалось стройное, но не перекачанное тело. Типичный «мальчик-мажор»: ухоженные руки, дорогой парфюм, нервно закушенная губа.

— Ирина Валерьевна? Здравствуйте, проходите. Меня Егор зовут, — он пропустил её в просторную прихожую, стараясь не выдать волнения, но руки, принимавшие её плащ, чуть подрагивали.

— Здравствуй, Егор. Рассказывай подробнее, — Ирина прошла в гостиную, обставленную с безликой дороговизной: диван из светлой кожи, стеклянный журнальный столик,

абстрактная картина на стене. Она поставила кейс на столик, щёлкнула замками и достала стетоскоп. — Когда начались симптомы?

— Ну... примерно месяц назад. Сначала просто замечал, что пульс частит, когда я ложусь спать. А потом и днём стало накатывать, — Егор мялся, явно импровизируя на ходу. — Особенно когда я... ну... волнуюсь.

Ирина профессиональным жестом надела стетоскоп на шею и встала напротив него.

— Раздевайся. До пояса. Мне нужно послушать сердце и лёгкие, измерить давление.

Она заметила, как его кадык дёрнулся при слове «раздевайся». Егор медленно стянул джемпер через голову, обнажая гладкую, без единой татуировки, кожу с рельефом начинающего атлета — не горы мышц, но приятные глазу очертания грудных и брюшных мышц под светлой, почти полупрозрачной кожей. Его сердце действительно билось чаще — она видела это по пульсации сонной артерии, — но причиной была отнюдь не патология.

— Сядь на диван, — Ирина указала на подлокотник. Сама осталась стоять, возвышаясь над ним. — Дыши спокойно. Сначала аускультация.

Она вставила оливы стетоскопа в уши и приложила мембрану к его груди. Под ней сердце колотилось гулко, мощно, но ровно, без шумов. Ирина медленно перемещала головку стетоскопа, давая ему почувствовать прохладу металла на разгорячённой коже. Егор вздрагивал от каждого прикосновения. Его дыхание стало поверхностным, когда она провела стетоскопом по линии ребра, потом ниже, почти до пупка.

— Сердце чистое. Тоны ровные, — констатировала она, вынимая оливы из ушей. — Теперь давление.

Она обернула манжету вокруг его плеча, затянула липучку, нарочно коснувшись пальцами его подмышки. Егор замер. Ирина стала нагнетать воздух в грушу, наблюдая за стрелкой тонометра. Давление оказалось чуть повышенным — 135 на 85, — что для его возраста было объяснимо только одним.

— Давление на верхней границе нормы. А теперь раздевайся полностью. Мне нужно проверить пульсацию периферических артерий. Это стандартная процедура, — произнесла она тем самым тоном, которым обычно сообщала пациентам о необходимости клизмы.

— П-полностью? — голос Егора дал петуха.

— Ты стесняешься врача? Я видела сотни обнажённых тел, Егор. Для меня это просто биологический материал, — Ирина равнодушно пожала плечами, хотя в глубине глаз плясали искры веселья. — Снимай брюки и бельё. Можешь оставить носки, если мёрзнешь.

Он подчинился, краснея до корней волос. Когда последняя деталь одежды упала на пол, Ирина позволила себе наконец окинуть его оценивающим взглядом без прикрас. Тело юноши было именно таким, как она и предполагала: стройным, с длинными ногами, узкими бёдрами и уже вполне очевидной эрекцией, которую он тщетно пытался прикрыть ладонями.

— Руки убери, — спокойно приказала она. — Я не могу осмотреть паховые лимфоузлы, если ты их прячешь.

Егор, сгорая со стыда и возбуждения одновременно, убрал руки. Ирина присела перед ним на корточки и профессиональными, точными движениями пропальпировала лимфоузлы в паху. Её пальцы скользили по горячей коже, задерживаясь чуть дольше, чем требовала диагностика. Она чувствовала, как напрягаются мышцы его живота, как учащается дыхание. Его плоть стояла почти вертикально, но Ирина игнорировала её с показательным безразличием.

— Теперь ложись на диван. На спину. Будем проверять брюшные рефлексы и глубокую пальпацию.

Она достала из кейса неврологический молоточек. Егор улёгся, глядя на неё взглядом загнанного, но очарованного кролика. Ирина провела молоточком по его животу, наблюдая за сокращением мышц. Затем отложила инструмент и начала пальпацию: её ладони легли ему на живот, надавливая мягко, но настойчиво, круговыми движениями исследуя каждый сантиметр.

Она спускалась всё ниже, к линии лобка, но обходила очевидную зону стороной, заставляя его тихо постанывать от фрустрации.

— Печень не увеличена, селезёнка тоже. А вот здесь, — она нажала чуть выше лобковой кости, — есть напряжение. Это говорит о застойных явлениях в малом тазу. Ты ведёшь сидячий образ жизни?

— Д-да... много учусь... — выдохнул он, и это «да» прозвучало скорее как мольба.

— Понятно. Нужно восстановить циркуляцию, — Ирина выпрямилась и сняла очки, положив их на столик. Её голос перестал быть врачебным; теперь в нём звучала та самая глубокая, обволакивающая интонация, которая действовала на молодых безотказно. — Егор, я давно поняла, что твои симптомы вызваны вовсе не болезнью. Ты позвал меня не для консультации. Я права?

Он молчал, тяжело дыша и не сводя с неё расширенных зрачков. Капелька пота скатилась по его виску.

— Молчание — знак согласия. Что ж, я не злюсь. Я даже польщена. Но раз уж я здесь, я проведу лечение до конца. Только теперь это будет совсем другая терапия.

Она медленно, не разрывая зрительного контакта, расстегнула верхнюю пуговицу блузки. Потом вторую. Третью. Блузка соскользнула с плеч, открывая чёрный кружевной бюстгальтер, который никак не вязался с образом строгого доктора. Егор смотрел на неё с тем благоговейным ужасом, с каким верующий взирает на сошедшее с небес божество.

— Сейчас я буду задавать вопросы, а ты будешь отвечать. Честно. Понял?

— Да, — прошептал он.

Ирина наклонилась над ним, опираясь одной рукой о подлокотник дивана. Её волосы, выбившиеся из пучка, щекотали его плечо. Другой рукой она провела по его груди, царапая ногтями, спускаясь ниже, к животу, обходя напряжённый член по кругу, но не касаясь его.

— Ты часто мастурбируешь, представляя женщин старше себя?

— Д-да... часто...

— А врача когда-нибудь представлял?

— Да...

— Хороший мальчик. Честный. Это похвально.

Её пальцы наконец сомкнулись на его стволе. Егор всхлипнул и выгнулся дугой. Ирина начала двигать рукой — медленно, почти лениво, с тем самым вампирическим мастерством, которое не оставляло жертве ни единого шанса. Она изучала его реакцию, как кардиограмму: вот здесь сжать чуть сильнее, здесь провести большим пальцем по головке, здесь замедлиться, чтобы не дать кончить слишком быстро. Он был полностью в её власти, и она наслаждалась этим.

— Ирина Валерьевна... пожалуйста... — взмолился он. — Можно я... вас... тоже?

— Что «тоже»? — она чуть приподняла бровь, не прекращая движений. — Сформулируй.

— Можно мне вас потрогать? Поцеловать? Я хочу сделать вам приятно...

В его глазах было столько искренней мольбы, что Ирина решила сменить тактику. Иногда мальчикам нужно давать иллюзию инициативы, чтобы они раскрылись до конца. Она убрала руку и выпрямилась.

— Хорошо. Покажи, на что ты способен. Но помни: я всё ещё главный врач. Одно неверное движение — и терапия прекратится.

Она сняла брюки и бельё, оставшись в одном бюстгальтере, и легла на диван, откинувшись на подушки. Егор, вновь обретая способность двигаться, припал к ней с той иступлённой жадностью, которая бывает только у тех, кому долго не давали воды. Его губы покрывали поцелуями её шею, ключицы, грудь, освобождённую от кружева. Он был неумел, но компенси-

ровал это энтузиазмом. Ирина направляла его короткими приказами: «Ниже. Языком. Нежно. А теперь зубами — легонько».

Он спускался всё ниже, пока не уткнулся лицом между её бёдер. Там он замер, словно перед святыней, не зная, с чего начать.

— Языком, — напомнила она с усмешкой. — Только без фанатизма. Я не люблю, когда торопятся.

Он начал неловко, но старательно, и Ирина прикрыла глаза, отдаваясь ощущениям. Юный рот был горячим, влажным, полным обожания. Постепенно его движения обрели ритм, и она позволила себе застонать впервые за весь вечер — тихо, одобрительно. Это подстегнуло его; он удвоил усилия, и вскоре первая волна оргазма накрыла её, прокатившись по телу приятной дрожью. Ирина запустила пальцы в его волосы, прижимая к себе сильнее, пока последние спазмы не утихли.

— Неплохо, ученик, — выдохнула она, чуть отстраняя его. — А теперь основная часть терапии.

Она потянула его на себя, и он оказался сверху, упираясь локтями по обе стороны от её головы. Его возбуждение было на грани срыва: глаза остекленели, дыхание стало прерывистым. Ирина обхватила его бёдра ногами, направляя в себя.

— Теперь двигайся. Но помни: смотреть только на меня. Не отводить глаза. Ни на секунду.

Он вошёл в неё с первым же толчком, и Ирина поймала его взгляд в зрительный капкан. Их лица находились в нескольких сантиметрах друг от друга. Она видела, как расширяются его зрачки, как дрожат губы, как испарина выступает на лбу. Каждое движение она сопровождала короткими командами: «Быстрее. Медленнее. Глубже. Не смей кончать, пока я не разрешу». Это была пытка для него — сладкая, невыносимая пытка. Он подчинился из последних сил, балансируя на грани, и в его глазах читалась смесь боли, восторга и полного подчинения.

— Теперь... давай, — наконец скомандовала она, и он рухнул в оргазм с хриплым криком, уткнувшись лицом ей в плечо, потому что держать зрительный контакт больше не было сил. Ирина почувствовала, как его тело содрогается в последних спазмах, и удовлетворённо улыбнулась. «Терапия» прошла успешно.

Она дала ему несколько минут прийти в себя, а затем мягко отстранилась и встала с дивана. Егор лежал обессиленный, наблюдая за тем, как она спокойно, без тени смущения, одевается перед большим зеркалом на стене. Блузка, брюки, очки — образ строгого доктора был восстановлен за пару минут. Лишь лёгкий румянец на щеках выдавал, что эта женщина только что провела сеанс совсем не медицинских манипуляций.

Она вынула из кейса визитку и положила её на журнальный столик.

— Если тахикардия повторится, звони. У меня хорошие результаты в лечении подобных... состояний.

— Ирина Валерьевна, — его голос звучал слабо, но с нотками надежды. — А можно... просто так? Не по медицинской части?

Она обернулась уже у двери и одарила его той самой улыбкой, в которой смешались снисхождение, опыт и лёгкая печаль.

— Милый мой, «просто так» в этом мире ничего не бывает. Особенно у врачей. Особенно в моём возрасте. Но ты был хорошим пациентом. Очень... отзывчивым.

Она вышла в прохладный вечер, и дверь лифта бесшумно закрылась за ней, отрезая от мира юношеских фантазий и возвращая в реальность, где Ирина Валерьевна снова становилась просто женщиной, идущей по улице, вдыхающей осенний воздух и думающей о том, какой «пациент» попадётся ей завтра.

В машине она бросила взгляд на своё отражение в зеркале заднего вида и поправила причёску. Стетоскоп всё ещё болтался у неё на шее, тёплый от чужого тела. Она сняла его,

задумчиво повертела в руках и убрала в кейс. Кажется, частная практика начинала приносить свои плоды — совсем не те, за которые платила клиника. И это было прекрасно.

Глава 4. Сердечный ритм

Конец сентября в клинике «ВитаМед» традиционно означал наплыв студентов и абитуриентов. Молодые люди, поступавшие в спортивные вузы, военные училища и на факультеты с повышенными физическими нагрузками, нуждались в заключении кардиолога. Для врачей это была рутинная, почти конвейерная работа: ЭКГ, пять минут аускультации, печать на бланке. Ирина обычно перепоручала такие осмотры интернам, но сегодня её ассистентка внезапно слегла с температурой, и главврач попросил «по-отечески» — а на самом деле со свойственной ему пассивной агрессией — принять последнего пациента из списка.

— Ирина Валерьевна, голубушка, там всего один спортсмен остался, пловец. Десять минут вашего драгоценного времени, — проворковал он по селектору, и Ирина, скрипнув зубами, согласилась.

Она как раз дописывала историю болезни, когда в дверь кабинета негромко постучали — не робко, но и не нахально. Стук был ровно таким, чтобы обозначить присутствие и дожидаться разрешения.

— Войдите.

Дверь открылась, и на пороге возник молодой человек, при виде которого Ирина на мгновение забыла, зачем держит в руках ручку. Он был высок, но не громоздок; тело пловца угадывалось даже под простой белой футболкой и джинсами — широкие плечи, плавно сужающиеся к узким бёдрам, длинная сильная шея, рельефные предплечья с выступающими венами. Русые, чуть влажные волосы были зачёсаны назад, открывая чистый лоб и линию роста, которая выдавала породу. Но главное — лицо. Открытое, почти по-детски ясное, с серыми, как предгрозовое небо, глазами и мягкой линией губ, над которыми ещё не проклюнулась по-настоящему взрослая щетина. Ему было на вид года двадцать два, не больше.

— Здравствуйте. Я Артём. Мне на осмотр, — произнёс он, и голос оказался под стать внешности: негромкий, но с приятной баритональной глубиной, словно успокоившийся после шторма океан.

Ирина моргнула, прогоняя наваждение. Она сотни раз видела красивых юношей. Она коллекционировала их, как другие коллекционируют марки. Но с этим было что-то иначе. Что-то в том, как он стоял — без обычной для его возраста нахальной расслабленности, без скрытого подтекста во взгляде. Он смотрел на неё с тем спокойным уважением, которое не играют, а испытывают.

— Здравствуйте, Артём, — она кивнула на кушетку. — Присаживайтесь. Раздевайтесь до пояса. Я послушаю сердце, измерю давление, затем ЭКГ.

Он послушно снял футболку, и Ирина мысленно ахнула. Торс Артёма был... совершенен. Не перекачанный, без вздутых вен и бодибилдерской гипертрофии, а именно вылепленный водой и многолетними тренировками: широкие грудные мышцы, чётко очерченный пресс с косыми мышцами, уходящими за пояс джинсов, идеальная V-образная форма. Кожа была матовой, чуть золотистой от остатков летнего загара, с несколькими родинками, разбросанными, словно созвездия, по левому плечу. И ни одной татуировки. Ни одной цепи на шее. Только маленький серебряный крестик на тонкой цепочке, почти незаметный.

— Вы плаванием занимаетесь? — спросила Ирина, чтобы разрядить странное напряжение, возникшее в груди.

— Да. С шести лет. Сейчас в сборной университета, готовлюсь к чемпионату России, — ответил он, глядя прямо на неё, пока она надевала стетоскоп.

— Тогда вы знаете, что у пловцов часто бывает брадикардия. Пониженный пульс. Это нормально. Но проверим.

Она приблизилась, и он послушно развернулся к ней лицом. Ирина приложила мембрану стетоскопа к его груди — туда, где под твёрдой мышцей билось сердце. Оно ударило ей в уши мощным, ритмичным толчком. Ровным, сильным, но... не медленным. Пульс был заметно учащён — около девяноста, может, даже ста.

— Вы волнуетесь? — спросила она, чуть хмурясь и не убирая стетоскоп.

— Немного, — признался он, и в его голосе прозвучала та самая искренность, которая обезоруживала. — Врачей с детства немного боюсь. Глупо, да?

— Не глупо. Но пульс для спортсмена высоковат, — она переместила стетоскоп левее, потом ниже. Под её пальцами его кожа была горячей и неожиданно нежной, несмотря на рельеф мышц. Ирина чувствовала, как его сердце отзывается на каждое её прикосновение микроускорениями. — Дышите глубже. Медленный вдох. Теперь выдох.

Он подчинился. Его грудная клетка расширилась, и на какую-то долю секунды Ирина поймала себя на том, что залюбовалась игрой мышц под гладкой кожей. Это было непрофессионально. Она выругалась про себя и перевела стетоскоп на спину.

— Повернитесь.

Артём развернулся, и теперь перед ней оказалась его спина — не менее впечатляющая, чем торс. Широкие трапеции, чёткая линия позвоночника, мышцы, расходящиеся крыльями к плечам. Ирина приложила мембрану к межлопаточной области, и тут произошло то, чего она не ожидала.

Её пальцы, удерживавшие стетоскоп, скользнули по его коже, случайно задев выступающую лопатку. Прикосновение вышло почти невесомым, но Артём вздрогнул — едва заметно, одними мышцами, как конь, почуявший всадника. Ирина замерла. Её рука всё ещё лежала на его спине, ощущая это странное, необъяснимое тепло, которое словно перетекало от него к ней.

— У вас руки холодные, — сказал он негромко, но без упрёка. Скорее, как констатацию факта, за которой скрывалось что-то ещё. Может быть, удивление. Может быть, любопытство.

— Простите. Циркуляция у нас, врачей, никудышная, — ответила она чуть более резко, чем хотела, и убрала руку. — Одевайтесь. Давление мерить не буду, у вас и так всё ясно — симпатическая нервная система реагирует на стресс. Сейчас сделаем ЭКГ.

Она отошла к аппарату, чтобы скрыть лёгкий румянец, неожиданно проступивший на щеках. Пятьдесят два года, за плечами десятки мужчин, а краснеет, как институтка, от случайного прикосновения к мальчишке. Что за чертовщина?

Пока она накладывала электроды — один на запястье, другой на щиколотку, третий на грудь, — Артём молчал. Но его взгляд, устремлённый куда-то в окно, был задумчивым. Ирина ловила себя на том, что её движения становятся более осторожными, почти ласковыми, когда она касается его кожи, чтобы закрепить присоски. Это было неправильно. Она никогда не позволяла себе нежности с «материалом». Но этот мальчик словно излучал какую-то незащищённую человечность, против которой её обычная броня не срабатывала.

Аппарат зажужжал, выплёвывая бумажную ленту с кардиограммой. Ирина взглянула на результат: синусовый ритм, частота — 88, интервалы в норме, никаких экстрасистол. Абсолютно здоровое сердце. Сердце, которое просто билось чаще, потому что его обладатель — то ли действительно боялся врачей, то ли чувствовал то же странное электричество, что и она.

— Всё в порядке, Артём, — произнесла она, снимая электроды. — Сердце у вас здоровое. Лёгкая тахикардия пройдёт, как только вы выйдете из кабинета.

Он улыбнулся — впервые за всё время. Улыбка оказалась неожиданно мягкой, чуть застенчивой, с ямочкой на левой щеке.

— Спасибо. А справку можно?

— Да, конечно. Секунду.

Она села за стол, выписала справку, поставила печать. Артём тем временем оделся и теперь стоял у двери, переминаясь с ноги на ногу. Ирина протянула ему бумагу, и их пальцы

снова встретились — на этот раз над белым прямоугольником справки. Прикосновение длилось долю секунды, но обоим оно показалось вечностью.

— Удачи на чемпионате, Артём, — сказала она, и её голос прозвучал почти тепло. Почти по-человечески.

— Спасибо. До свидания, Ирина... — он запнулся, глядя на бейдж на её халате, — ... Валерьевна.

Он вышел, аккуратно притворив за собой дверь, а Ирина осталась сидеть в тишине кабинета, глядя на закрытую дверь и всё ещё ощущая на пальцах тепло его кожи.

Она попыталась отогнать наваждение. В конце концов, это всего лишь юноша. Очередной спортсмен, каких она видела десятки. Почему же его лицо стояло перед глазами? Почему этот дурацкий крестик на цепочке, эта ямочка на щеке, этот спокойный взгляд — почему всё это засело в памяти, как заноза?

Ирина откинулась на спинку кресла, прикрыв глаза. В тишине кабинета, под мерное гудение кондиционера, она позволила себе крохотную слабость, которую никогда бы не позволила на людях. Она представила.

Представила, как этот мальчик не уходит. Как он останавливается у двери, медлит, оборачивается. Как его глаза встречаются с её глазами, и в них больше нет ни страха перед врачами, ни официальной вежливости. Только тот самый вопрос, который мужчины задают без слов — расширенными зрачками и сбившимся дыханием.

В её воображении он подходит к столу, за которым она сидит, и опускается перед ней на колени. Его большие, тренированные ладони ложатся на её колени — не требовательно, а вопросительно. Она не отталкивает его, только смотрит сверху вниз, и в этом взгляде нет привычного превосходства. Есть любопытство. Есть трепет. Он наклоняется и целует её пальцы — те самые, что минуту назад касались его груди. Потом запястье. Потом внутреннюю сторону локтя, где под тонкой кожей бьётся её собственное сердце — такое же частое, как у него.

Она представляет, как её халат соскальзывает с плеч. Как его губы находят её ключицу, шею, мочку уха. Как она запускает руки в его влажные волосы и впервые за долгое время не командует, не указывает, не доминирует, а просто отдаётся — молча, доверчиво, словно он не мальчик, а мужчина, которого она ждала всю жизнь.

В этой фантазии нет жёсткой стены душевой, нет гранитной столешницы VIP-туалета, нет врачебной ролевой игры. Есть только двое на кушетке для осмотра, медленно, почти целомудренно изучающие друг друга. Его пальцы, скользящие по её бёдрам, его шёпот — не «Ирина Валерьевна», а просто «Ира» — и её собственный стон, которого никто никогда не слышал. Настоящий. Без маски.

Она резко открыла глаза.

Сердце колотилось. Кабинет был пуст. За окном шумел осенний ветер. Справка для Артёма — уже отданная, уже подписанная — лежала бы на столе, если бы он не забрал её. Ирина провела рукой по лбу, стирая испарину.

— Чёрт, — произнесла она вслух в пустоту. — Что за ерунда.

Она поднялась, одёрнула халат, поправила причёску. Подошла к окну и увидела внизу, на парковке, высокую фигуру, выходящую из дверей клиники. Артём. Он шёл к автобусной остановке лёгкой, летящей походкой пловца, и ветер трепал его волосы. У Ирины сжалось что-то в груди — то ли досада, то ли предчувствие.

Она отошла от окна, взяла со стола историю болезни и попыталась сосредоточиться, но буквы расплывались перед глазами. Этот мальчик, сам того не зная, задел в ней что-то, что она давно считала ампутированным за ненужностью. Что-то, похожее на способность чувствовать не только голод, но и нежность.

— К чёрту, — повторила она, на этот раз шёпотом. — Просто ещё один пациент. Просто ещё один юноша. Ничего особенного.

Но в глубине души, в том самом месте, где по вечерам разгорался её вечный голод, теперь поселилось новое ощущение — тёплое, тревожное, похожее на тихий стук в дверь, за которой ты не ждёшь гостей. И гость этот, кажется, только что переступил порог.

Глава 5. Кофе и фотографии

Прошла ровно неделя с того дня, когда Артём вышел из её кабинета, унося с собой справку, дурацкий серебряный крестик на цепочке и частицу её самообладания. Ирина честно пыталась выбросить этот эпизод из головы. Она оперировала, консультировала, пила коньяк в «Атласе», даже пару раз заглянула на тренировку к Максиму — ровно для того, чтобы доказать себе, что всё в порядке, что её по-прежнему заводят только тела, а не души. Но по ночам, лёжа в постели без сна, она прокручивала в памяти не жёсткий секс в душевой, не покорного Егора на диване, а тихое «У вас руки холодные» и ямочку на левой щеке.

Это раздражало. Пугало. И завораживало.

В понедельник, около полудня, она вышла из клиники, чтобы купить нормальный кофе — больничная столовая варила бурду, от которой у Ирины начиналась изжога. Кофейня «Зёрна» располагалась через дорогу: крохотное заведение с бархатными креслами, запахом свежей выпечки и бариста, помнившим её заказ. Ирина взяла двойной эспрессо и уже собиралась уходить, когда увидела его.

Артём сидел за столиком у окна, уткнувшись в телефон. На нём была мокрая после бассейна толстовка с эмблемой университета, волосы небрежно откинuty назад, на щеках — лёгкий румянец после тренировки. Перед ним стоял стакан с каким-то смузи. Он поднял глаза, словно почувствовал её взгляд, и Ирина увидела, как краска заливает его лицо — от шеи до корней волос, мгновенно, предательски, совершенно по-мальчишечьи.

— Ирина Валерьевна? — он вскочил, едва не опрокинув стул. — Здравствуйте! Вот так встреча...

— Здравствуйте, Артём, — она подошла ближе, чувствуя, как внутри разливается странное, давно забытое тепло. — Без халата я просто Ирина. Или даже Ира.

— Я... я не могу вас так называть, — он всё ещё стоял, и это было трогательно до абсурда. — Вы меня, наверное, не помните. Я приходил на справку...

— Я прекрасно вас помню, — перебила она, не отводя взгляда. — Тахикардия на нервной почве. У спортсменов бывает. Как ваше сердце?

— Стучит, — ответил он простодушно и вдруг осёкся, поняв двусмысленность. — В смысле, всё в порядке! Нормально стучит. Ритмично. Спасибо, что спросили.

Ирина рассмеялась — легко, искренне, как не смеялась уже давно. Он тоже улыбнулся, и ямочка на щеке проявилась снова.

— Можно я вас угощу? — выпалил он, глядя на её чашку. — Ну, то есть... вы уже взяли, но, может, ещё что-то? Круассан? Или... я не знаю, что вы любите...

— Я люблю хороший кофе, — сказала она, присаживаясь напротив. — Но сегодня угощаю я. Вы — студент, я — врач с частной практикой. Считайте это профессиональной деформацией: мы привыкли заботиться о пациентах.

Она махнула бариста и заказала ему ещё один смузи и кусок морковного торта. Артём слабо протестовал, но было видно, что он польщён. Они разговорились — сначала о плавании, потом об учёбе, потом о том, что он родом из маленького городка на Волге, что живёт в общежитии, что мама — учительница, а отец ушёл, когда ему было десять. Ирина слушала, и с каждой минутой этот мальчик становился для неё всё менее «материалом» и всё более человеком. Живым. Тёплым. Настоящим.

Когда кофе был допит, а торт съеден, Артём вдруг посерьёзnel и, поколебавшись, спросил:

— Ирина... а можно ваш номер телефона? Я понимаю, что это, наверное, не очень уместно, я пациент, а вы врач... Но я бы хотел... иногда писать вам. Если вы не против.

Она посмотрела на него долгим взглядом, и в груди что-то дрогнуло. «Скажи "нет", — приказала она себе мысленно. — Вежливо, мягко, но "нет". Ты не для этого строила свою жизнь». Но губы произнесли совсем другое:

— Записывай.

Он достал телефон, и она продиктовала цифры. Его пальцы чуть дрожали, когда он набирал. Ирина увидела, как он сохранил контакт — просто «Ирина». Без отчества. Без фамилии. Сердце пропустило удар.

— Я напишу, — пообещал он, поднимаясь. — Можно?

— Можно, — ответила она, и в этом коротком слове было больше разрешения, чем во всех её предыдущих «да» другим мужчинам.

Вечером того же дня Ирина сидела дома, в своей идеально обставленной квартире, закутавшись в шёлковый халат. На журнальном столике стоял бокал красного вина, приглушённо играл джаз. Телефон молчал. Она проверяла его каждые пять минут, ненавидя себя за это, но ничего не могла поделать. Ожидание было томительным, почти болезненным, и одновременно сладким — как первый глоток горячего шоколада в детстве.

В 20:47 экран загорелся. Имя: «Артём». Ирина открыла сообщение.

«Ирина, привет. Это Артём. Хотел просто сказать спасибо за кофе. И за разговор. Я очень рад, что встретил вас сегодня. Вы удивительная. Я весь день об этом думаю».

Она улыбнулась. Мальчик писал грамотно, без смайликов и сокращений. Старомодно. Мило.

«Привет, Артём. Я тоже рада. Но не перехваливай меня — я всего лишь врач, который любит хороший кофе и морковный торт».

Ответ пришёл почти мгновенно.

«Вы не "всего лишь". Вы особенная. Я таких, как вы, никогда не встречал. Серьёзно».

Ирина отпила вина, размышляя. Переписка балансировала на грани: ещё чуть — и станет слишком личной. Но ей хотелось именно этого. Хотелось снять маску, перестать быть «Ириной Валерьевной» хотя бы в этом маленьком светящемся прямоугольнике.

«Ты мне льстишь. Но я не против. Расскажи, как прошла тренировка?»

Они переписывались больше часа. Сначала — безобидные вещи: расписание, питание, любимые фильмы. Артём обожал старую советскую классику, Ирина — французское кино. Он слушал джаз и рок 90-х, она — оперу и электронику. Они спорили, смеялись (она — беззвучно, он — присылая скобочки, которых раньше избегал). Постепенно тон становился всё более интимным.

«Сегодня в бассейне все спрашивали, почему я такой рассеянный. А я думал о вас. О ваших глазах. Они серые, да? Или голубые? Я никак не мог вспомнить».

«Серые с голубыми крапинками. Как пасмурное небо перед грозой. А ты внимательный».

«Я очень внимательный. Особенно когда мне кто-то нравится».

Пауза. Ирина набрала воздух и ответила:

«Я тебе нравлюсь?»

«Очень. Вы красивая. Самая красивая женщина, которую я видел. Я понимаю, что это звучит глупо, но это правда».

Ирина прикрыла глаза. От этих простых слов у неё закружилась голова, как от крепкого вина. Она чувствовала себя девчонкой, получающей первую записку. И одновременно — опытной женщиной, которая понимает, куда ведёт эта дорога, и всё равно делает шаг вперёд.

«Спасибо. Ты тоже очень красивый. Твоё тело — произведение искусства. Я до сих пор помню, как выглядит твоя спина».

Ответ пришёл не сразу. Артём, видимо, набирался смелости. Наконец, телефон пикинул.

«Можно я пришлю вам... фото? Не подумайте ничего плохого. Просто я сейчас после душа, и мне хочется, чтобы вы увидели. Вы как врач, наверное, к такому привыкли. Но всё равно... можно?»

Ирина усмехнулась. «Как врач». Конечно. Она набрала:

«Присылай. Я оценю объективно».

Через минуту пришло фото. Артём снял себя в зеркале ванной комнаты общежития. Кафель, пар от горячей воды, полотенце, небрежно повязанное на бёдрах, и его торс — мокрый, блестящий, с каплями воды, стекающими по рельефу мышц. Грудные, пресс, косые линии, уходящие под махровую ткань. Лица не было видно — только подбородок и шея, — но Ирина и без лица знала, кто это. Она смотрела на фотографию дольше, чем следовало. Её дыхание участилось. В низу живота разлилось знакомое, жаркое томление.

«Объективно: ты очень красивый молодой мужчина. Продолжай в том же духе».

«Я хочу увидеть вас. Тоже. Можно? Не как врачу. Как женщине».

Ирина колебалась ровно минуту. Потом встала, подошла к большому зеркалу в спальне, включила приглушённый свет — торшер с абажуром цвета слоновой кости — и распустила волосы. Халат соскользнул с одного плеча. Она подняла телефон и сделала снимок: без лица, только линия шеи, ключицы, плечо, край кружевного бюстгалтера, шёлк, мягко облегающий грудь. Фотография вышла эстетичной, с лёгкой дымкой и намёком, но без пошлости. Ирина отправила её, прежде чем передумать.

Ответом было долгое молчание. Потом:

«Господи... Вы невероятная. Я даже не знаю, что сказать. У меня сердце сейчас выпрыгнет».

«Не хватало ещё, чтобы я довела пациента до сердечного приступа. Вызывай скорую, буду оказывать первую помощь».

«Лучше вы сами приезжайте. Без скорой. Без халата».

Их переписка становилась всё откровеннее. Грань была перейдена, и теперь они скользили по наклонной с головокружительной скоростью. Артём прислал ещё одно фото — на этот раз полотенце было сдвинуто ниже, обнажая резную линию косых мышц и тёмную дорожку волос. Ирина чувствовала, как внутри нарастает жар.

«Ты играешь с огнём, Артём».

«Я хочу сгореть».

Тогда она сделала следующий шаг. Встала перед зеркалом, развязала пояс халата и позволила ткани упасть к ногам. На ней остались только чёрные кружевные трусики. Одной рукой она прикрыла грудь, другую подняла с телефоном. Щёлк. Фото было более смелым: изгиб талии, округлое бедро, тень между ног, едва прикрытая кружевом. Она отправила его и замерла в ожидании.

«Я сейчас с ума сойду. Вы... Ира... можно я вас так назову?»

«Можно. Называй».

«Ира... я хочу тебя. Сильно. Я не знаю, как это объяснить. Я никогда ничего такого не чувствовал. Мне кажется, я схожу с ума».

Её пальцы дрожали, когда она набирала ответ. Вино было забыто, музыка — тоже. Весь мир сжался до этого маленького экрана и пульсирующей потребности внутри.

«Я тоже тебя хочу. И я тоже схожу с ума. Это неправильно, но мне всё равно».

«Можно я позвоню? Я хочу слышать твой голос».

Ирина нажала кнопку вызова, и через секунду услышала его дыхание — частое, сбивчивое, как после стометровки. Его голос звучал глухо, словно он говорил в подушку, чтобы не разбудить соседей по общежитию.

— Ира... — выдохнул он. — Ты слышишь меня?

— Слышу, Артём. Я здесь, — её собственный голос был низким, тягучим, как мёд. — Что ты сейчас делаешь?

— Лежу в кровати. Думаю о тебе. Рука... сама тянется, — он замялся, но продолжил: — Ты на меня так действуешь... Я даже стесняюсь говорить.

— Не стесняйся, — она сама уже откинулась на подушки, свободной рукой скользя по своему животу. — Расскажи мне. Я хочу знать. Где твоя рука сейчас?

— На животе... ниже, — его шёпот стал прерывистым. — Я представляю, что это твои пальцы. Что ты здесь, рядом. Что ты трогаешь меня так же, как тогда в кабинете.

— Я тоже трогаю себя, — призналась Ирина, закрывая глаза. — Представляю, что ты лежишь рядом. Твои плечи, твоя грудь, твой живот. Я провожу по тебе языком. Медленно. От шеи вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.